

XXI МЕЖДУНАРОДНЫЙ КОНГРЕСС ВИЗАНТИЙСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ В ЛОНДОНЕ (21–26 АВГУСТА 2006 г.)

Заседания очередного конгресса византийских исследований проходили в главном здании Педагогического института Лондонского университета. Его организатором был Британский национальный комитет Международной ассоциации византийских исследований под председательством проф. Э. Брайера. Почетным патроном конгресса являлся принц Уэльский Чарлз, направивший участникам теплое поздравление со словами о том, что “Византия очень близка его сердцу”, а почетным президентом была леди М. Маркс.

В работе Конгресса зарегистрировалось и приняло участие около 1000 человек из 40 стран. Было представлено свыше 750 докладов (некоторая часть – *in absentia* авторов). Российская делегация насчитывала 54 человека (из Москвы, Санкт-Петербурга, Екатеринбурга, Владивостока, Ростова-на-Дону, Тулы, Тюмени), притом, что в отличие от предыдущих конгрессов российским участникам организаторами не было предоставлено никаких льгот. В поддержке их участия в конгрессе посильно помогали научные фонды, в частности РГНФ, РФФИ, фонд А. Онассиса, университеты РФ, институты РАН.

Программой было предусмотрено 8 пленарных заседаний, 64 круглых стола (*panels*), несколько сотен сообщений на открытых секциях, а также на вывешиваемых для чтения и дискуссии постерах. Многие материалы конгресса были предварительно опубликованы на сайте Оргкомитета, а к моменту открытия вышли 3 тома “Трудов”, включающих полный текст пленарных докладов и резюме сообщений и докладов на круглых столах¹. Разумеется, в кратком обзоре невозможно отразить все направления и тем более все доклады и сообщения. Остановимся на некоторых, в той или иной мере показательных для оценки Конгресса и направленности текущих исследований.

Глобальной темой Конгресса, избранной организаторами, был *Display*. Необходимость, корректность и точность вводимого определения “дисплея” как нового научного понятия, быть может, не очевидны. Это слово полисеманлично само по себе. Оно обозначает показ, демонстрацию, отображение, в том числе на экране монитора. Объяснению сути этого понятия и применимости его к византийским исследованиям был посвящен доклад Дж. Херрин (Лондон). Содержание доклада, да и многих последующих, свидетельствовало скорее о понимании дисплея как более привычной для нас “системы ценностей” и ее отображении в разных сферах жизни византийцев, о формах и символах их самовыражения (и нашего их понимания), начиная с государственной идеологии и кончая дискретными обычаями и обыденными традициями.

Первая тема Конгресса была посвящена “Империи”. В ее рамках прошли пленарная сессия, круглый стол и заседания секций. В докладе “Совмещающиеся круги Византии” Дж. Шеппард (Оксфорд) использовал образную фразеологию У. Черчилля, предостерегавшего в 1949 г. своих современников от выхода Британии из любого из трех пересекающихся геополитических “кругов”, к которым она принадлежала: англо-американского, содружества наций и европейского. Аллюзия использовалась Шеппардом для доказательства параллельного феномена у Византии, находящейся на стыке трех перекрещивающихся цивилизаций: православного “содружества” с центром в Константинополе (контаминация *Byzantine Commonwealth* Д.Д. Оболенского), христианско-исламского мира Востока, включавшего и Северную Африку, и мира латинского христианства Западной Европы. На весьма богатом и

---

¹ Proceedings of the 21st International Congress of Byzantine Studies. London, 21–26 August, 2006. Vol. I: Plenary Papers; vol. II: Abstracts of Panel Papers; Vol.I II: Abstracts of Communications. L., 2006.

содержательным материале были рассмотрены нюансы “византийского присутствия” внутри каждой из наславившихся друг на друга зон при фактическом отсутствии какого-либо конституционно-правового регулирования этого фактора. Сюжет был развит в докладах В. фон Фалькенхаузен (Рим) “Какой представлялась Византия ее подданным в Италии, ее соседям и завоевателям?” и Н. Неджипоглу (Стамбул) “Византия перед вызовом: традиция, трансформация и адаптация в поздневизантийской политике и обществе”. К пленарной сессии примыкал круглый стол “Соперничающие империи”, где борьба за византийское преемство и византийское наследие была продемонстрирована в докладах Л. Максимовича (Белград) о Сербии, И. Божилова (София) о Болгарии, А. Ставриду-Зафрака (Фессалоники) об Эпире и Никее, С.П. Карпова (Москва) о Трапезундской империи. На других круглых столах обсуждались “Теории империи” (с докладами на эту тему выступали М.В. Бибииков (Москва), П. Гунаридис (Волос) и др.), “Западничество и ориентализм”, “Имперские институты”, “Греческие общины или землячества после 1204 г.”, “Искусство империи”, “Евангелизация”, “Кто был византийцем или не византийцем?”. Теории мировой империи и идеалу императора было посвящено сообщение И.С. Чичурова (Москва).

Второй пленарной темой, также подкрепленной круглыми столами и сообщениями, были “Труды и дни”. Под этим расплывчатым названием скрывалась повседневная жизнь византийца в естественно-географическом и территориально-государственном пространстве. Общие доклады М. Мандел Мэнго (Оксфорд), М. Поповича (Белград), Р. Сантанджели Валенцани (Рим) затрагивали в основном археологический аспект темы и демонстрировали новые возможности методик византийской археологии.

Сквозная третья тема “Инфраструктуры” была фактически традиционным представлением Instrumenta studiorum с особым вниманием к “новым технологиям” источниковедения и работам молодых или “новых” византистов. Для пленарного заседания А. Роби и М. Грюнбарт (Вена) опубликовали проект издания свода поствизантийской эпистографии. С. Эфтимиадис (Янина) сделал обзор развития византийской агиографии, А. Байхаммер (Никосия) оценил состояние византийской дипломатики. С. Шёнауэр (Бонн) представила имеющиеся он-лайн ресурсы лексикографии, такие, как Thesaurus Linguae Graecae, Acta Sanctorum Database и др., а также охарактеризовала новые греческие словари. О доступных для византистов ресурсах сирийских источников говорил С. Брок (Оксфорд). А.Е. Мусин (С.-Петербург) сделал археологический доклад, в котором сопоставил материальную и религиозную культуру Византийской империи и Древней Руси, преимущественно Новгорода. Заседания круглого стола III.2 по теме “Информационные технологии” (рук. секции М. Джеффри, Лондон) содержали общие рассуждения без какой-либо реальной актуализации проблематики конгресса. Другие круглые столы третьей темы демонстрировали базы данных и методики обучения при помощи компьютера. Принципиально новых предложений они не содержали. Гораздо насыщеннее материалом были столы и секции по сигиллографии, нумизматике, просопографии, истории науки.

Четвертая Пленарная тема “Слова” подразумевала запечатленные на страницах тексты с целью их прочтения (“визуализации”) или заслушивания. Основной доклад на эту тему был сделан П. Одорико (Париж), где речь шла о “дисплее” византийской литературы. Продолжением был доклад об “эпиграфическом дисплее” в позднеантичном и византийском городе Ш. Руаше (Лондон) и конкретный разбор христианской самоидентичности у Романа Сладкопевца (Д. Крюгер, Гринсборо, США). Прямым продолжением этой темы была следующая, пятая, названная “Тексты” с выступлениями А. Маркопулоса (Афины) о представлении римского прошлого в Византии IX–XI вв. и Д.Р. Райнша (Берлин) о цитировании текстов византийскими авторами. На заседании круглого стола “Обысторенные слова (Words historicised)” Д.Е. Афиногенов (Москва) выступил сообщением на тему “Манипулирование историей: монах Василий и история происхождения византийского иконоборчества”.

Теологоцентричность византийского сознания позволила организаторам конгресса объединить сюжеты, связанные с изучением государственного контроля над религией в империи, автономии византийской философии, теологии, культура святых, византийского искусства в одну чрезвычайно широко сформулированную шестую тему “Православие”. Она объединила и историков, и искусствоведов, и специалистов в области изучения права, и богословов.

Пленарное заседание открыла С. Рончи (Сьена) с докладом «Распродажа православия (“Orthodoxy on Sale”): последний византиец и проигранный крестовый поход». Доклад был посвящен судьбе последнего деспота Морей Фомы Палеолога и истории неудачного антитурецкого крестового похода римского папы Пия II. С. Рончи представила несколько неидентифицированных ранее живописных и скульптурных изображений Фомы Палеолога. В ее докла-

де также была сделана попытка переосмысления итогов Флорентийской унии. Доклад П. Магдалино (Сент-Эндрюс) был посвящен проблемам формирования византийской ортодоксии.

Довольно большой круг сообщений, группировавшихся вокруг этой темы, относился к антилатинской полемике византийских авторов. Это выступления Т. Колбаба (Нью-Брансвик), А. Букосси (Оксфорд), Л. Куппо (Виченца), П. Петкоффа (Оксфорд), О. Сырцовой (Киев), В. Александрова (Будапешт).

Л. Сильвано (Турин) пересмотрел вопрос об авторстве неизданного “Слова о вере”, приписываемого Максиму Плануду. М. Ставру (Янина) проанализировал два трактата “Об исхождении Святого Духа” Никифора Влеммида.

Участники круглого стола “Автономия византийской философии” подняли вопрос о том, существовала ли вообще эта автономия, а в докладе на круглом столе “Евангелизация” С.А. Иванов (Москва) остановился на специфичности византийского понимания универсальности христианства, слитого с понятием универсальности империи. В этой связи он поставил под сомнение важность для ромеев “обращения варваров” и значимость кирилло-мефодиевской миссии вообще.

Круглый стол по теме “Различие” (“Difference”), посвященный проблемам религиозной инаковости в Византии, свелся в основном к обсуждению вопросов, связанных с самоидентификацией иудеев в византийском обществе и восприятием иудеев византийцами. Различные аспекты положения и жизни иудеев в империи были рассмотрены в докладах В. Дерош (Париж), Ю. Ротман (Иель) и др. Впрочем, тема религиозной инаковости в Византии далеко не исчерпывалась этим сюжетом и продолжалась в других секциях. Х. Ливанос (Мэдисон) в рамках этого заседания осветил отношение Геннадия Схолария к неоязычеству Георгия Гемиста Плифона. Ливанос отметил, что вопреки распространенному мнению о патриархе Геннадии Схоларии как о человеке, приказавшем сжечь труды Плифона, парадоксальным образом именно полемические произведения константинопольского патриарха, направленные против Плифона, дают возможность реконструировать взгляды последнего.

Была заметна тенденция (не только здесь!) к углублению дифференциации и недостатку концептуальных обобщений в области изучения византийской теологии. Неудивительно, что в докладах часто ностальгически звучало имя И. Мейендорфа, чье творчество было отмечено даром научного синтеза. Необходимость появления работ, обобщающих и систематизирующих последние достижения византистики, хотя бы и усилиями коллектива авторов, была прямо отмечена в докладе С. Эфтимиадеса (Янина), который инициировал коллективный проект издания двухтомного руководства по византийской агиографии.

Малозаметность на Лондонском конгрессе докладов, посвященных проблемам экономической истории, в полной мере характеризует ту паузу, которую взяло нынешнее поколение византистов, осмысливая итоги прошедшего столетия. Тем не менее ближайшее будущее вполне предсказуемо, что было подчеркнуто в выступлении М. Виттоу (Оксфорд) “Византийская экономика на дисплее”, отметившего, что появившиеся в последние годы труды по экономической истории Средиземноморья явно указывают на необходимость развития компаративных исследований. “Поместить Византию в контекст” уже попытался авторский коллектив, выпустивший “Экономическую историю Византии”². Немногочисленность докладов, представленных в Лондоне и посвященных экономической проблематике, тем не менее позволяет увидеть, где и какими средствами это будет сделано раньше всего. Очевидное прекращение самоизоляции Византии после 1204 г. только описывает, но не объясняет приверженность докладчиков к поздневизантийскому периоду. Объяснение кроется лишь отчасти в том, что три из четырех экономических секций сосредоточились на вопросах, так или иначе связанных с проблемами финансовых систем и денежного обращения. Необходимый для этого и трудоемкий анализ нумизматического материала наиболее продуктивен, если имеется возможность совместить его с анализом документальных сведений. Для Византии времени Палеологов они сосредоточены не только в широко известных итальянских нотариальных актах, но и в малоосвоенных балканских или турецких сводах, также представленных в докладах. Вместе они позволяют увидеть не только результаты, но и понять природу финансовых инструментов, с которыми византийские императоры, сербские короли или латинские князья обустроивали свои державы. Взаимопроникновение золотой, серебряной и даже медной монеты, заимствование типологии и метрологии, норм налогообложения или

² The Economic History of Byzantium from the Seventh through the Fifteenth Century / Editor-in-Chief Angeliki E. Laiou. Vol. 1–3. Washington, 2002.

счетных единиц появилось и возникло не в стихии экономического развития, а было результатом осмысленных мероприятий власти, с помощью которых государства воздействовали на экономику и ее составляющие – налоговую и финансовую системы, земельное право и торговую политику.

Исследователи подошли к проблеме с разных сторон. Т. Маниати-Коккини (Афины), представляя свой исследовательский проект “Налоги и налоговые льготы в XIII–XV вв.”, указывала, что именно налоговая политика Стефана Душана отражает поздневизантийскую практику в концентрированном виде. Д. Киричис (Ретимнон) в докладе “Пересматривая экономические функции государства в поздней Византии” и А.Л. Пономарев (Москва) в докладе “Кризис монетного производства или монетное производство во время кризиса”, по сути, говорили об одном и том же, хотя первый анализировал состояние земель фиска и короны, а второй – слагаемые реформ денежного обращения. Они показали, что необходимо перестать уповать на некомпетентность византийских государственных мужей, если мы хотим понять поздневизантийскую действительность.

Тезис о теснейшей экономической интеграции поздней Византии с территориями, утраченными после 1204 г., повторенный Д. Якоби (Иерусалим) в докладе “Экономика поздней Византии: некоторые соображения”, был близок многим участникам конгресса. Дж. Бейкер (Оксфорд) и А. Сталь (Принстон) в совместном выступлении “Монетное обращение в Греции и Эгеиде, ок. 1204–1420” показали, что корни денежных и счетных систем региона восходят к византийской традиции. Экономическое единство, обозначенное использованием и имитациями византийской монеты в балканских странах в XII – первой половины XIII в. и продемонстрированное на географии кладов в презентации К. Христовской (Скопье) и В. Иванишевича (Белград) “Деньги и денежное обращение на западе Балкан в XIII–XV вв.”, сохранилось и позднее благодаря переориентации региона на Венецию. Многосторонние торговые связи другой части Балкан были рассмотрены на нумизматическом материале еще двумя соавторами, Е. Оберландер-Тарновеану (Бухарест) и Ж. Жековой (Шумен), в докладе “Монетное обращение на хинтерланде Западного Причерноморья в XIII–XV вв.”, наконец, специфика не менее важного региона – Крыма – детализировалась в докладе Е. Георгантели (Бирмингем) и В. Гурулевой (Санкт-Петербург) “Встреча Востока и Запада: монеты и торговые связи Черноморья в XIII–XV вв.”.

При отсутствии специального пленарного заседания, посвященного проблемам византийского права, эта важнейшая тема в закамуфлированном виде была представлена на круглом столе “Имперские институты” (председатель Э. Папаянни (Афины)). Именно там И.П. Медведевым был поставлен вызвавший дискуссию вопрос: “Можно ли рассматривать Византию как некое “правовое государство” в современном понимании”? Ответы различны: “И да, и нет”, – утверждал П. Пилер (Вена), сделавший целый доклад на эту тему. “Да”, – ответил К. Пицакис (Афины), уточнив: “Если речь идет все же о средневековом государстве”. Потенциал новых информационных технологий в изучении византийского права продемонстрировал на заседании секции “Технологии” в двух своих выступлениях Ю.Я. Вин (Москва).

Лондонский конгресс отразил не вполне благоприятные тенденции в современном состоянии византийско-восточных исследований, их все еще маргинальный характер. Не было ни одного пленарного доклада, посвященного византийско-восточной проблематике. Только один круглый стол был отчасти посвящен Востоку: “Западничество и ориентализм”. Организаторы круглого стола (А. Колиа-Дермитзаки (Афины) и Р.М. Шукуров (Москва)) предполагали обсудить реакцию византийского субстрата на встречу с иными культурами как западными, так и восточными. Причем, особое внимание в тематике круглого стола уделялось механизмам восприятия новой информации византийской культурой. Доклад В.А. Арутюновой-Фиданян (Москва) “Византийская Армения: армянское влияние на Византию в X–XI вв.” вышел за пределы традиционной темы византийско-армянских политических отношений и культурного взаимодействия, дав всеобъемлющую феноменологическую характеристику армянских обществ в пределах Византийской империи. В докладе были намечены наиболее значимые линии трансформации армянской культуры под византийским влиянием, а также и существенные изменения в собственно византийском субстрате в результате встречи с армянским началом.

В докладе М. Канепы (Чарлстон, США) “Позднеантичный космос власти между Византией и Ираном: интернациональный орнамент и имперская идентичность в VI–VII вв.” дается сравнительное изучение обширного материала византийской и иранской орнаментики в дворцовом декоре, культовой архитектуре, предметах роскоши и церемониальном костюме. Докладчик показал, что между византийским и иранским художественным и, что важно,

идеологическим пространствами существовали тесные взаимосвязи и взаимообмен. В последующей дискуссии прозвучала идея учесть армянский материал, как медиатор, а может быть, и источник восточных мотивов в византийском декоре (В.А. Арутюнова-Фиданян). Доклад Р.М. Шукурова “Византийские тюрки при Палеологах (1261–1453)” постулировал наличие в византийском городе и деревне заметного слоя христианизированных тюрков (как кыпчаков из Северного Причерноморья, так и огузов из Анатолии). По мысли докладчика, присутствие тюрков в этническом составе империи заметно повлияло на поздневизантийскую культуру, что нашло отражение в греческом языке того времени, повседневном быте, одежде; эти изменения можно квалифицировать как наиболее ранний этап тюркизации греческого субстрата. Доклад Р.Ш. Шукурова вызвал интенсивную дискуссию. Оппоненты (ряд греческих ученых) предложили избегать термин “тюркизация” при описании тюркских влияний на греческий субстрат в эпоху, предшествующую падению Константинополя.

Из набора византийско-восточных тем в разных секциях, пожалуй, наиболее широко были представлены различные стороны византийско-арабских отношений: политическая история (доклады В. Кэги (Чикаго), В. Христидиса (Афины), Н. Халек (Принстон), научные, культурные и художественные связи (выступления М. Мавруди (Беркли), Н. Эл-Шейх (Бейрут), Э. Волкер (Вашингтон) и др.). Ряд интересных докладов был посвящен христианско-мусульманским конфессиональным контактам (А. Папаконстантину (Париж), А. Биньели (Париж). Л.Г. Хрушкова (Москва) на основании археологических материалов осветила евангелизацию Херсонеса Таврического в IV–V вв.

Достаточно интересно были представлены византийско-тюркские исследования. Несколько важных докладов были посвящены источниковедению. М. Делилбаши (Анкара) в докладе “Податной список Тирхала как источник по истории Византии” представила уникальную информацию о населении и экономике византийской Фессалии (Тирхала), добытую в результате ретроспективного анализа османских дефтеров. Исследовательнице удалось выявить несколько семей местной византийской знати, неизвестных прежде из византийских источников. Другой турецкий исследователь Ф. Кирлидокме (Анкара) проанализировал сведения фессалоникского архиепископа Симеона как источник по истории византийско-османских отношений в конце XIV – начале XV в. А. Папагеоргиу (Афины) говорила об образе тюрков в византийской историографии в период правления Иоанна II.

Д.А. Коробейников (Оксфорд–Москва) пересмотрел дату потери Византией контроля на Анатолией в XI в. Если верить позднему арабскому источнику (XIII в.), то тюркское завоевание Анатолии произошло отнюдь не после битвы при Манцикерте (1071 г.), но в следующем десятилетии, начиная с 1074–1075 гг.; причем, по мнению докладчика, катастрофичной оказалась именно потеря византийцами Вифинии, через которую проходили коммуникации между Константинополем и Малой Азией. Новой теме взаимоотношений между тюркскими кочевниками и римской и константинопольской церквами было посвящено сообщение другого российского ученого И.О. Князького (Москва).

Ряд докладов развивал подходы “новой археологии”, которая в последние десятилетия перенесла стратегические задачи науки с традиционного описания самих артефактов на изучение *поведения* исторического человека через синтетическое исследование артефактов и нарративных источников. На Лондонском конгрессе “новая археология” была, в частности, представлена докладом К. Жиро (Лион) о поздневизантийском и раннеосманском периоде в истории Никейского/Изникского региона на круглом столе “Ландшафт, археология и общество”. Междисциплинарное исследование К. Жиро являлось частью известного проекта французских исследователей по комплексному изучению Вифинии³.

К.И. Лобовикова в сообщении “Загадки эсхатологии Георгия Трапезундского” представила оригинальный очерк эсхатологических представлений Георгия Трапезундского, обозначив возможные их связи с мусульманской эсхатологией. М.В. Грацианский в докладе “Миссионерская деятельность Юстиниана: прецедент Нобатин”, подвергнув детальному анализу греческие, сирийские, арабские, коптские и другие источники, приходит к выводу, что Южная Нубия была обращена не в монофизитство (как предполагалось раньше), но в православие.

К сожалению, никто из современных выдающихся исследователей византийско-восточной тематики (Э. Захариаду, И. Бельдичиану, Сп. Врионис, Д. Сахас, М.Баливе) не присутствовал на Конгрессе.

³ La Bithynie au Moyen Âge / Ed. B. Geyer, J. Lefort. P., 2003.

Одно из важных впечатлений от Лондонского конгресса то, что он продемонстрировал активность турецкой византистики – в Конгрессе участвовало много молодых турецких исследователей, выпускников европейских (в первую очередь британских) научных школ.

Проблемно-тематическая модернизация на Конгрессе вылилась в большой мере в искусственное устройство новых направлений, подобно “логистике”. В какой степени оправдано выделение в особое направление “византийского товароведения”, которому отведено три заседания (панель П.2, вторник 22 августа, день; секция сообщений С.П.2, пятница 25 августа, вечер; и два сообщения А.П.2, суббота 26 августа, утро), видимо, останется вопросом спорным. Надо подчеркнуть, подобное расчленение заседаний по узкоспециализированным направлениям вряд ли способствовало продуктивной работе международных собраний ученых. Так, проведение обособленных друг от друга заседаний панелей и секций сообщений, например, панели V.3 “Эмоции” (четверг 22 августа, вечер) и одноименной секции сообщений V.3 (суббота 26 августа, утро), состоящей из двух тематически близких выступлений, вряд ли стимулирует широкие обобщения по исторической психологии, которая в современном византиноведении до сих пор представлена в рудиментарном виде. То же самое можно повторить относительно секций о природе и обществе, равно и о других направлениях византистики, поскольку на Конгрессе они искусственно “измельчались” до отдельных аспектов узкого профиля

Серия из восьми секций по истории искусства была проведена под руководством Р. Кормака (Кембридж) и М. Вассилаки (Фессалоники), она носила интригующее название “Будущее прошлого”. Итогом этой работы было посвящено завершающее пленарное заседание той же парой исследователей. Эта серия была посвящена конкретному изучению памятников: реставрации, археологическим исследованиям, коллекциям, выставкам и пр., т.е. познанию средневекового прошлого через произведения искусства и прогнозированию их состояния в будущем в зависимости от современной реставрации, охраны памятников, а также восприятия следующими поколениями. Одним из самых впечатляющих было заседание, посвященное действующим монастырям Синая и Афона (которое вел Р. Кормак). М. Мирианфос-Куфопулу (Афины) представила доклад по истории трансформации Синайского монастыря с большим количеством нового археологического материала, в том числе по древнейшему периоду, до VI века. Докладчица комментировала данные археологии в контексте современного исследования, реставрации и охраны памятника. Весьма интересным было фильм о мозаике “Преображение” VI в. в конхе синайской базилики, показанный итальянским реставратором Р. Нарди (Рим). В нем были отражены как мельчайшие детали великолепной и до сих пор малоисследованной мозаики, так и все этапы расчистки и сложнейшего укрепления кладки смальты, под которой обнаружили пустоты. Другая группа сообщений греческих исследователей (Н. Алибертиса (Афины), Я. Тавлакиса (Фессалоники), П. Теохаридиса (Афины)) касалась памятников афонских монастырей. В них также содержалось много нового материала, в том числе о реставрации памятников архитектуры.

Н. Хатзидакис (Янина) провела круглый стол по истории собирательства памятников византийского искусства. Здесь удалось представить не только коллекционирование Нового времени, но и историю формирования собраний в эпоху средневековья, чему были посвящены доклады О.Е. Этингоф (Москва) и М. Казанаки-Лаппа (Афины). Сообщение о новых исследованиях византийских коллекций русских аристократов Г.С. Строганова и А.И. Нелидова в Италии сделала С. Моретти (Рим). М. Мартиниани-Ребер (Женева) представила аудитории неопубликованную коллекцию византийских древностей Ж. Закоз из Музея искусства и истории в Женеве. Другой круглый стол был посвящен выставочной деятельности крупнейших музеев мира. В ней были представлены как материалы по истории выставок (например, в Гос. Эрмитаже, о чем рассказал Ю.А. Пятницкий (С.-Петербург)), так и о современных экспозициях в греческих, американских и французских музеях. Э. Катлер провел круглый стол, специально посвященный подделкам средневековых произведений, т.е. “фальшивкам”. Проблема эта давно весьма актуальна на Западе, а в последнее время и в России. Исследователи комментировали не только проблемы атрибуции, но и более широкие вопросы фальсификации истории при помощи подделок. Заседание, касающееся археологических исследований крупнейших центров в Греции и на Балканах, в Стамбуле, Сирии и на Синае, прошло под председательством М. Панайотиди (Афины). Х. Бурас (Афины) руководил секцией о реставрации византийских памятников архитектуры и живописи в Стамбуле, Греции, на острове Торчелло, Кипре и на Синае. Еще два круглых стола касались искусства восточных периферий империи: Восточной Анатолии и Кавказа, а также Египта и Леванта.

Другая группа из восьми круглых столов называлась “Byzantium as display”. По итогам этой работы было проведено пленарное заседание под руководством Г. Мэгвайра (Балтимор)

и Б. Пенчевой (Стэнфорд). В секциях, посвященных византийскому городу, деревне, дворцам, одежде, портативным предметам и пр. исследователи обращались также и к художественному материалу. Заседанием, посвященным портативным произведениям искусства руководил Э. Истмонд (Лондон). Исследователи рассматривали различные аспекты проблемы, в том числе расширение контактов разных районов византийского мира с Западом и Востоком благодаря переносу памятников и реликвий. Интересным и богатым по представленному материалу было сообщение З. Схиртладзе (Тбилиси) о художественных связях Византии с Грузией. Л. Джеймс (Брайтон) руководила круглым столом "Orthodox on display", в котором были сгруппированы доклады, касающиеся храмового убранства (мозаики, инкрустации полов, стекла, полированных мрамора и камня), а также функции естественного освещения в храме. Л. Тайс (Вена) вместе с А. Терри (Денверс, США), сделали сообщение об искусстве мозаики в ранней Византии и коснулись спорного вопроса о датировке перестройки церкви Михаила Архангела в монастыре Пантократора в Константинополе: исследовательница относит эту перестройку к палеологовскому периоду. Р. Оустерхаут (Иллинойс), делавший спустя четыре дня сообщение об итогах реставрации монастыря Пантократора, датирует эту перестройку комниновским периодом: не одновременно постройке комплекса, но вскоре после нее.

На пленарном заседании, посвященном империи, Г. Мэгвайр сделал доклад "Императрица и Богоматерь в искусстве VI века". Исследователь развил традиционную тему влияния императорской иконографии на новозаветную, в данном случае богородичную. Он находит в изображениях Поклонения волхвов и Благовещения детали архитектуры и костюма, связанные с императорским обиходом. Искусству империи был посвящен тщательно организованный круглый стол, который вела М. Георгопулу (Афины). В ней последовательно рассматривались проблемы имперской иконографии и образности в разных видах византийского искусства и ремесла, а также в его взаимосвязях с исламским миром, со Святой Землей, с Сицилией и Венецией. В докладах этого круглого стола было много нового материала и идей, особенно в сообщении Л.-А. Хант (Манчестер) и Д. Прингла (Кардифф) о художественной программе гробницы Богоматери в XII в.

В структуру заседаний, посвященных православию, был включен круглый стол "Искусство и православие", который вела М. Вассилаки. Круглый стол в основном касался искусства иконы и характера ее почитания в различных центрах империи и за ее пределами, а также в разные периоды. Доклад О. Тарасова (Москва) касался русских икон поствизантийского времени с изобразительным циклом на раме, который он анализировал в риторическом контексте, отличном от традиционных житийных циклов. К сожалению, западные исследователи по-прежнему мало знают работы русских ученых, опубликованные по-русски. Так, в докладе Б. Пенчевой шла речь о природе византийского образа, которая была неотъемлемо связана с представлением о драгоценовых материалах. Эта идея давно высказана и серьезно обоснована на основании анализа памятников и письменных источников в работах И.А. Стерлиговой. Никаких ссылок на нее в докладе Б. Пенчевой не прозвучало, хотя эта американская исследовательница по происхождению болгарка и знает русский.

В рамках секции "Instrumenta Studiurum" Л. Вокотопулос (Афины) сделал доклад о готовящемся корпусе византийской монументальной живописи, который пока мыслится как издание памятников Греции и Италии. Эта работа начата греческими исследователями по инициативе М. Хатзидакиса. В перспективе планируется привлечение исследователей других стран и систематическая публикация комплексов Болгарии, Сербии, Черногории, Кипра, Грузии и пр.

Одна из секций конгресса, в которой принял участие ряд ведущих историков искусства, носила название "Сакральное пространство". Подобная секция была организована впервые, однако замысел инициатора и координатора секции А.М. Лидова (Москва) был еще более специальным – представить на международном конгрессе недавно возникшее направление исследований, получившее название иеротопия (до Лондона этой теме были посвящены два международных симпозиума в Москве). Под иеротопией имеется в виду создание сакральных пространств, рассмотренное как особый вид творчества и предмет исторического исследования. Вводный доклад А.М. Лидова "Византийская иеротопия" был посвящен постановке проблемы и ее значению для понимания культуры восточно-христианского мира. На конкретных примерах "пространственных икон" были показаны возможности этого подхода для описания и анализа целого пласта художественных явлений, который до последнего времени оставался вне рамок традиционной истории искусства. В последующих докладах, в соответствии с общим замыслом, последовательно рассматривались возможности иеротопического подхода в приложении к различным сферам

византийского творчества. С. Чурчич (Принстон) в своем докладе “Священное пространство в византийской церковной архитектуре: иеротопический подход” показал, что подобный подход к исследованию византийской архитектуры во многих случаях более исторически адекватен и плодотворен, чем “формалистические” иконографические и стилистические методы. Драматургия света как важнейшее художественное средство в создании сакральных пространств рассматривалась в докладе Н. Исар (Копенгаген). Внимание было сфокусировано на “Описании Софии Константинопольской” Павла Силенциария VI в. – важнейшем источнике для понимания эстетики света в Византии. Автор также затронула проблему основных понятий “chora” и “choros”, которыми византийцы пользовались для описания иеротопических явлений. Другое важнейшее средство создания сакральных пространств – организация запахов и каждений – рассматривалось в докладе Б. Казо (Париж). В докладе были намечены основные этапы развития этого малоизученного вида византийского творчества, а также показана роль запахов и каждений в установлении мистической связи между пространством молящегося и миром небесных явлений.

Пространственным аспектам иконы был посвящен доклад Г. Пирса (Остин, США). В нем автор, сконцентрировав внимание на иконах Спаса Нерукотворного, показал, что в основе восприятия византийского образа лежала парадигма зеркала, восходящая к изречению апостола Павла (2 Кор. 13:18). Смотрящий преображался в иконе как в зеркале, которое всегда было раскрыто вовне и всегда существовало “перформативно”, т.е. в пространственной динамике между изображением и молящимся.

Большое число отдельных сообщений по искусству отразило в целом высокий профессиональный уровень форума. Вместе с тем можно отметить, что Конгресс в значительной мере характеризовался подведением итогов, систематизацией будничной исследовательской работы. Крупных принципиальных открытий в области истории византийского искусства, кажется, было не так много.

Среди докладов, посвященных иллюстрированным рукописям, преобладали комплексные исследования, объединяющие методы кодикологии, палеографии, текстологии и истории искусства.

Доклад А. Джуровой (София) “Образ и слово: к проблеме визуализации догмы”, прочитанный на пленарном заседании “Византия как демонстрация”, был посвящен исследованию инициалов. Объединяя изучение греческой и славянской рукописной традиции, А. Джурова стремилась показать, как визуальное выделение ключевых слов текста использовалось для акцентирования идей, наиболее значимых с точки зрения богословия.

Установка на комплексное исследование рукописей определила весьма разноплановый характер докладов, представленных на заседании круглого стола IV.1 “Слова на странице” (координатор Джон Лоуден (Лондон)) и в секциях, посвященных этой же теме. Соотношение текста и иллюстраций, выявление копий и образцов остается одной из наиболее интересных проблем. Этому вопросу были посвящены доклады К. Максвелл (Сан-Франциско) о Евангелии Гл. 54 из Парижской национальной библиотеки и Я. Спатаракиса (Лейден) о мадридской рукописи Скилицы. В несколько ином аспекте эту же тему затронул С. Лазарис (Страсбург) в докладе об иллюстрированных естественно-научных сочинениях, где шла речь о визуальных и смысловых связях между текстом и изображениями. В докладе А. Якобини (Рим) иллюстрированные рукописи были рассмотрены как источник сведений для истории самосознания определенной социальной группы – монашества. М. Бернабо (Павия) представил результаты последних технико-технологических исследований знаменитого Евангелия Раббулы, показавших, что большая часть миниатюр была поновлена. Эти новые сведения вносят значительные изменения в существующие представления о ранневизантийской книжной иллюстрации. Доклад Н. Кавтария (Тбилиси) был посвящен выявлению атрибуционных признаков рукописей Черной Горы. З. Гаврилович (Белград) предложила новую интерпретацию иконографии одной из миниатюр парижских Гомилей св. Григория Назианзина.

Иллюстрированные рукописи как часть пространственного и временного континуума византийской культуры – тема двух докладов, которые необходимо отметить особо. Р. Нелсон (Чикаго) в докладе “Молитвенное пространство в византийских иллюстрированных рукописях” предлагает новый подход, цель которого реконструкция восприятия иллюстрированной рукописи византийцами. Миниатюра рассматривается как иконный образ, а иллюстрированная книга – как целостная структура, обладающая своим миниатюрным сакральным пространством и, в то же время, включенная в контекст ритуала. Доклад Дж. Лоудена (Лондон) “Создавая византийский образ в иллюстрированных руко-

писях: от создания к подделке” был посвящен проблеме воспроизведения памятников прошлого. Современные подделки, созданные с целью извлечения прибыли, побуждают к размышлению о том, как и почему в разное время прошлое становится ценным. Лоуден показывает, что для византийцев воспроизведение старинных образцов было одним из способов обеспечения важнейшей части “национального” самосознания – преемственности по отношению к прошлому.

На секции “История византийских исследований” приняло активное участие несколько российских ученых. Г.Е. Лебедева (С.-Петербург), основываясь на неопубликованных архивных материалах, рассказала о неудавшейся попытке Оргкомитета II Международного конгресса византистов в Белграде в 1927 г. добиться участия в нем выдающегося российского ученого академика Ф.И. Успенского. В докладе И.П. Медведева “Россия как спонсор европейской византистики в XIX в.” также на основании неизданных архивных источников было показано, как меценаты и государственные органы империи финансировали научные проекты иностранных ученых, фактически предоставляя им своего рода “гранты”. О.А. Барынина (С.-Петербург) изложила результаты работы по выявлению и описанию обширного архивного фонда так называемой “Русско-византийской историко-словарной комиссии РАН” (1918–1930).

Некоторые доклады были представлены в виде “постеров”. В их числе были тексты Е.К. Пиотровской (С.-Петербург) «Композиция древнерусской компиляции “Книги законы”», в которой сохранился текст “Земледельческого закона”, и А.А. Евдокимовой (Москва) “Греческие граффити в Св. Софии Киевской”.

В ходе Конгресса были организованы выставки. В фойе зала Педагогического института работала грандиозная книжная выставка, на которой разные издательства представляли и продавали изданную в последние годы литературу по византиноведению. Приходится сожалеть, что российских издателей среди них на этот раз не оказалось, и лишь благодаря любезности греческих коллег, привезенные российскими участниками книги были выставлены на их стенде для ознакомления. Другими выставками были: “Деньги и путешествия в византийском мире” (Нумизматическая галерея музея), “Дорога к Византии. Античные предметы роскоши” (Комнаты Гос. Эрмитажа в Сомерсет Хаусе), “Издательский проект Синайского кодекса и коллекция икон Веллмесиза” (Британская библиотека и Греческий фонд культуры), “Йоркский римский император (Константин Великий)” (Йорк, Музей Йоркшира), “Византийские, греческие и критские иконы” (Темпл гэллери).

В день открытия Конгресса был дан концерт византийской, армянской, ливанской, грузинской и греческой современной музыки.

Благодаря поддержке фондов и научных организаций в работе Конгресса участвовали многие молодые специалисты из РФ, в том числе аспиранты и студенты. Лондонский конгресс – первый после большого перерыва, куда удалось приехать большой группе грузинских и армянских исследователей. Однако в числе докладчиков и руководителей пленарных заседаний ученых из СНГ на этот раз (в отличие от предшествующего Парижского конгресса) не было. Правда, многие российские ученые были председателями и координаторами круглых столов, выступали с сообщениями на заседаниях секций.

Конгресс в Лондоне с особой наглядностью показал происходящую смену поколений ученых. При печальном отсутствии многих “мэтров” (от И.И. Шевченко, А. Гийу и Г.Г. Литаврина до Ж. Дагрона и М. Балара) ряд молодых коллег демонстрировал новые подходы и методические приемы. И все же больших, принципиально новых идей Конгресс не выдвинул. Скорее на нем подводились промежуточные итоги, шел поиск новых дефиниций, более современных интерпретаций. Иногда это было оправданно, но нередко – искусственно и неоднозначно, как и само понятие “дисплей”.

Место проведения Конгресса, возможно, предопределило доминирование на нем английского языка, знаменуя наметившийся разрыв с многоязычной традицией предшествующих форумов.

Во время Конгресса 22 августа состоялись заседания Международного комитета Ассоциации византистов. В заседании приняли участие 26 национальных комитетов (российскую делегацию представляли С.П. Карпов и И.П. Медведев). В Ассоциацию был принят национальный комитет Армении. Национальный комитет Нидерландов отказался от членства в Ассоциации под предлогом упразднения этой дисциплины в университетах Нидерландов. Генеральный секретарь Ассоциации Е. Хрисос сообщил, что “Бюллетень” Ассоциации отныне будет выходить только в электронном виде (www.aiebnet.gr) и призвал к активизации участия в нем национальных Комитетов.

На общем собрании Международного комитета были заслушаны доклады о работе комиссий и принят новый устав Ассоциации, значительно формализовавший ее работу. К числу важных изменений относится ограничение представительства каждого национального комитета одним членом и внесение возрастного ценза (70 лет) для членов Бюро.

Было принято решение о проведении очередного XXII Международного конгресса византийских исследований в августе 2011 г. в Софии (председатель оргкомитета – академик Болгарской АН В. Гюзелев).

Было решено впредь не избирать вице-президентов Ассоциации. Новый состав Бюро был выбран в следующем составе: П. Шрайнер (Кёльн) – президент, Е. Хрисос (Афины) – генеральный секретарь, его заместитель – К. Пицакис (Афины), М. Каплан (Париж) – казначей.

Ю.Я. Вин, А.В. Захарова, С.П. Карпов, А.М. Лидов, К.И. Лобовикова, И.П. Медведев, А.Л. Пономарев, Р.М. Шукуров, О.Е. Этингоф.